

© 2010 г. Ф.И. РОЖАНСКИЙ

ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТИНУУМА*

В статье рассматривается современный ижорский язык, представленный двумя сохранившимися диалектами, в контексте географически и генетически близких языков – водского и ингерманландского финского. На основе ряда критериев (лингвистических и экстралингвистических) производится попытка выявить такие черты ижорского языка, которые были бы представлены в обоих его диалектах, но отсутствовали бы в соседствующих идиомах, то есть позволяли бы говорить о едином ижорском языке. Анализ показывает, насколько условным становится понятие «язык» в ситуации языкового континуума, образовавшегося в результате различных дивергентных и конвергентных процессов. Основная часть представленного материала собрана в ходе полевой работы автора на территории Ингерманландии в последние несколько лет.

Как известно, вопрос о том, когда два различающихся идиома представляют собой разновидности одного языка, а когда – два разных языка, не имеет строгого решения. При проведении границ между языками учитывается множество факторов, среди которых немалую (а часто и определяющую) роль играют экстралингвистические факторы: традиция, этническая принадлежность и пр. (см., например [Беликов, Крысин 2001: 71–79]). Не существует достаточной ясности и в лингвистических критериях. Например, такой известный метод, как процентный анализ лексических совпадений лексики из списка Сводеша (см., например [Коряков 2004]), несомненно, обладает определенной долей условности и может применяться лишь для решения отдельных задач в рамках некоторых направлений лингвистики (прежде всего, в компаративистике).

Данная работа посвящена одной задаче: рассмотреть ижорский язык в его современном состоянии и ответить на вопрос, насколько серьезными аргументами мы располагаем в пользу того, чтобы считать ижорский одним языком. При этом мы исходим из презумпции, что множество идиомов, объединяемых в один язык, должно обладать какими-то свойствами, присутствующими в большинстве этих идиомов, но отсутствующими в соседствующих языках. Прежде чем переходить к анализу материала, дадим краткую справку о рассматриваемом языке. Ижорский язык относится к северной ветви прибалтийско-финских языков. Он распространен на территории Ингерманландии (запад Ленинградской области). На данный момент число носителей языка составляет примерно 200 человек (по нашим оценкам)¹, причем в большинстве своем это люди довоенного поколения (среди послевоенного поколения случаи свободного владения ижорским языком крайне редки). Из традиционно выделяемых четырех диалектов ижорского языка – хэваского, оредежского, сойкинского и нижнелужского – в настоящее время сохранились только два последних². В непосредственном контакте с

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 08-04-00172а.

¹ Эта оценка основывается на результатах наших полевых исследований, проведенных в последние годы.

² Информация о вымирании оредежского диалекта содержится, например, в [Лаанест 1993: 62]. Мы не располагаем документально подтвержденными данными об исчезновении хэваского диалекта (в [Лаанест 1993: 62] и [Крючкова 2003: 167] отмечается существование нескольких

ижорским языком существовали (и отчасти существуют) два близкородственных языка: водский и финский (точнее, финский диалект Курголовского полуострова, который мы в дальнейшем будем именовать как «курголовский финский»³).

Рассмотрим последовательно различные критерии, на основе которых могут проводиться границы языков, и проанализируем, насколько эти критерии могут быть применимы в ситуации мультязыковой среды для выделения ижорского как отдельного языка среди родственных идиомов. Поскольку единого стандарта критериев для определения границ языка не существует, в данной работе мы самостоятельно сформировали такой набор критериев (естественно, опираясь на опыт предшествующих исследователей⁴). Далее будут рассматриваться следующие идиомы: сойкинский диалект ижорского языка, нижнелужский диалект ижорского языка, водский язык (представленный в настоящее время двумя говорами – кракольским и песоцко-лужицким)⁵ и курголовский финский. Следует подчеркнуть, что данное исследование проводится только на макроуровне, то есть без детального анализа специфики каждого говора и без учета переходных и смешанных говоров (например, говора деревни Куровицы). Этого вполне достаточно для аргументации выдвигаемых утверждений. Более подробный анализ, учитывающий особенности каждого говора, мог бы сделать аргументацию еще более наглядной, однако в работе данного объема он невозможен. В качестве материала мы будем использовать, в первую очередь, результаты собственной полевой работы, проводимой в Ингерманландии с 2001 года. Заметим, что сопоставление указанных идиомов на основе собственного материала ранее не проводилось (единственным исключением является работа [Муслимов 2005], нацеленная, впрочем, на другие задачи)⁶.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

1. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛНОЦЕННОСТЬ

Ни один из анализируемых идиомов в настоящее время нельзя считать функционально полноценным. Подавляющее большинство носителей как ижорского, так и водского и курголовского финского является людьми очень преклонного возраста; практически все они владеют русским языком и используют русский как основной

десятков носителей), однако по информации, полученной от М.З. Муслимова (устное сообщение), в начале 2000-х годов уже отсутствовали полноценные носители хэваского диалекта, способные быть информантами.

³ В рассматриваемом нижнелужском ареале носители финского или смешанного финско-ижорского языка также встречаются в некоторых деревнях юго-западной части ареала (Калливере, Федоровка и др.). В данной работе эти говоры не рассматриваются, хотя следует подчеркнуть, что привлечение этого материала могло бы лишь подтвердить полученные результаты, но никак не противоречить им. Существуют и другие группы ингерманландских финнов, однако в настоящее время они не имеют контактов с ижорой, поскольку проживают в других районах Ленинградской области.

⁴ Современные представления о системе критериев отражены в работах [Коряков, Майсак 2001; Беликов, Крысин 2001; Коряков 2004], которые учитывались в процессе данного исследования.

⁵ Кроме двух указанных водских говоров в настоящее время еще сохранились носители так называемого куровицкого диалекта водского языка. Этот идиом представляет собой смешанный язык с субстратной водской грамматикой и ижорской лексикой и фонетикой, что вызывает естественные сомнения в традиционной классификации, рассматривающей его как водский диалект (см., например [Ernits 2005: 77]). Подробный анализ говора деревни Куровицы представлен в работах [Suhonen 1985; Маркус, Рожанский 2007].

⁶ Те немногие работы, которые рассматривали ижорский, водский и ингерманландский финский не независимо, а в ситуации единой языковой общности (например [Лаанест 1966]), обычно опирались на собственный материал в отношении одного идиома, для анализа же других идиомов использовались публикации, не всегда в достаточной степени учитывающие диалектное разнообразие указанных языков и обеспечивающие должный уровень сопоставимости материала.

язык повседневного общения. Родной язык либо вообще не используется, либо изредка применяется в разговорах с родственниками или соседями, иногда выполняя функцию «секретного языка».

Что касается письменного языка, то (см. [Муслимов 2005]):

- водский никогда не имел своей письменности;
- для ижорского в начале 30-х годов XX века была разработана письменность и велось преподавание на ижорском языке в местных школах (которые также посещала и водь), однако в 1937 году учителя ижорского были репрессированы и преподавание ижорского прекратилось. Поэтому на данный момент ижорский язык следует считать бесписьменным;
- для курголовского финского специальной письменности не разрабатывалось, а в 30-х годах XX века в школах Курголовского полуострова велось преподавание на литературном финском языке.

Таким образом, все рассматриваемые в данной работе идиомы являются нестандартизованными, бесписьменными и используемыми лишь в ограниченном наборе ситуаций. Соответственно критерий функциональной полноценности не может применяться при определении границ ижорского языка.

2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Во многих случаях самоидентификация (этническая и/или языковая) оказывается определяющим фактором для выделения некоторого идиома как отдельного языка. В нашем случае наблюдается довольно запутанная ситуация⁷. За последние годы мы проводили социолингвистическое анкетирование, которое позволило сделать ряд наблюдений и выводов:

- назвать свою национальность этнические ижоры могут, как правило, только на русском языке. Они называют себя «ижора», «ижор», «ижорка», и при этом в их сознании противопоставляется национальность «по паспорту» и «по рождению» (в паспорте у большинства ижор проставлена национальность «русский / русская»). Поэтому одним из наиболее частых ответов о национальности оказывается: «ижор / ижорка, по паспорту русский / русская»;

- своим родным языком ижора считает либо ижорский, либо сразу два языка: ижорский и русский;

- на вопрос о наименовании своей национальности на ижорском языке большинство опрошенных информантов ответить затруднилось. Прочие либо предлагали тот же вариант, что и для русского языка (иногда прямо по-русски: «ижора», «ижоры», «ижор», «ижорка», а иногда в виде ижоризированного варианта «ižorid», который, по всей видимости, является калькой с русского этнонима), либо приводили наименования по местности: «ingerläin» (т.е. «ингерманландец», что, заметим, совпадает с наименованием ингерманландских финнов), «šoiikkola(i)št» («сойкинцы» – для тех, кто живет на сойкинском полуострове). Иногда этноним просто подменялся топонимом: указывалось название конкретной деревни. Несколько носителей с известной долей юмора охарактеризовали себя как «чухна» (что является пренебрежительным названием прибалтийско-финских народов у русского населения). Лишь один носитель ижорского языка предложил более архаичное название *mejjen väki* ‘наш народ’, которое, впрочем, имеет точный аналог и у воды (*mejje vätsi*);

- ту же национальную принадлежность (то есть «ижора») указывают и современные представители воды, которые говорят, что они «ижоры» (впрочем, в последние годы некоторые стали применять по отношению к себе слово «водь», что является, в большой степени, результатом общения с эстонскими и российскими лингвистами).

⁷ Подробный анализ лингвонимов и этнонимов, существующих у народов нижнелужского ареала, представлен в [Муслимов 2005].

Аналогично обстоит дело и с наименованием языка: считая себя ижорой, водь называет свой язык ижорским⁸ (вероятно, что такая ситуация развилась в результате преподавания ижорского в местных школах, которые, как уже было сказано выше, посещала водь). Это касается в первую очередь русского этнонима, что же касается самоназвания на родном языке, то некоторые представители води помнят свое самоназвание (*vad'd'a*, *vad'd'alain*), другие же (как и многие ижоры) уже не помнят этого этнонима или не относят его к себе⁹;

– противопоставление ингерманландских финнов води и ижоре проводится по религиозной принадлежности (если первые лютеране, то вторые и третьи православные). Например, одна из жительниц Курголовского полуострова сказала: «Я ижорка, но говорю на языке своей матери (то есть на ингерманландском финском)».

Таким образом, используя данный критерий, мы не находим достаточно четкой дефиниции ижоры (или ижорского языка).

Единственным достаточно четким признаком, который действительно различает все три народа и который используется для идентификации самими местными жителями, оказался глагол «говорить», отличающийся во всех трех языках (подробнее см ниже)¹⁰.

3. ВЗАИМОПОНЯТНОСТЬ ИДИОМОВ

Такой простой, на первый взгляд, критерий, как взаимопонятность, не всегда позволяет четко определить близость идиомов, поскольку взаимопонятность зависит не только от этой близости, но и от языкового опыта конкретных носителей. Так, например, известно, что русский человек, имеющий даже небольшой опыт нахождения в украинской языковой среде, оценивает украинский язык как более или менее понятный, в то время как при отсутствии такого опыта украинский язык воспринимается как непонятный. В случае с ижорским языком ситуация представляется еще более интересной. Так, в районе нижней Луги водское население считает ижорский язык (точнее его нижнелужский диалект) вполне понятным, тогда как ижора понимает водский язык значительно хуже¹¹. Возможно, что именно этот фактор приводил к ситуации, описанной в работе [Tsvetkov 1925: 43], когда с появлением в водской семье молодой ижорской жены вся семья (в том числе и старшее поколение) начинала разговаривать на ижорском языке.

Следует также отметить, что взаимопонимаемость сойкинской и нижнелужской ижоры далека от идеала и, по нашим наблюдениям, хуже, чем взаимопонимаемость нижнелужской ижоры и курголовских финнов. При этом и в том, и в другом случае определяющим оказывается наличие или отсутствие субъективного опыта общения с представителями соседствующего идиома.

Обратим внимание, что мы не включили в число рассматриваемых экстралингвистических критериев политический фактор. Поскольку ни один из рассматриваемых народов не имеет политической самостоятельности, равно как и административно-территориального образования, то политические критерии тут неприменимы¹².

⁸ См., например [Savijärvi, Savijärvi 1999: 26].

⁹ Впрочем, в последние годы идентичность води укрепляется (в частности, из-за проведения в деревне Лужицы водских праздников, организованных Т.В. Ефимовой).

¹⁰ Детальный анализ этого критерия представлен в работе [Муслимов 2005].

¹¹ Такого рода нарушение симметрии не является уникальным. Например, похожую ситуацию автору статьи описывали носители марийского языка, отмечая асимметрию во взаимопонятности лугового и горного марийского.

¹² Созданная в 2005 году ижорская община не способствует автономизации ижоры. В эту общину попадают люди самых разных национальностей, а многие этнически чистые ижоры не состоят в ней в силу разных причин (в том числе из-за национальной разнородности членов общины, вызывающей у них недоверие). В целом, ижорская община используется как инструмент (к сожалению, не всегда достаточно эффективный) для отстаивания интересов всего местного населения, а не собственно людей ижорской национальности.

Итак, ни один из экстралингвистических критериев не дает достаточно четкой картины, позволяющей характеризовать ижорский как единый язык, отличный от соседствующих идиомов.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

В основе лингвистических критериев лежат свойства языка, которые условно можно разделить на три группы: лексические, фонетические и грамматические. Соответственно, мы будем говорить о лексических, фонетических и грамматических критериях.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Лексические критерии наиболее часто используются в диалектологических исследованиях. На их основе составляются диалектные атласы, позволяющие проводить границы между идиомами. Также лексические критерии положены в основу глоттохронологии – одного из основных методов, использующихся для определения степени родства языков. Рассмотрим, насколько лексические критерии применимы к ситуации с ижорским языком.

Совпадения по стословному списку Сводеша водского и ижорского языков составляют 99%. Единственным словом, отличающимся в списке, оказывается глагол «говорить», который в обоих диалектах ижорского языка выглядит как *lātā*, а в водском как *pajatta*. Он же отличает ижорский от курголовского финского, где используется лексема *hāstā*, а также курголовский финский от литературного (лексема *puhua*) и некоторых других ингерманландских говоров (лексемы *luatī*, *lātī* и др.)¹³. Совпадение стословных списков на 99% традиционно считается свойственным для близких диалектов, но не для различных языков. Таким образом, стословный список Сводеша оказывается не слишком показательным критерием для выделения ижорского языка из окружающих родственных идиомов.

Что касается лексики, выходящей за пределы самой базовой, то тут мы наблюдаем крайне запутанную картину, поскольку распределение лексем по говорам рассматриваемых языков не дает четкой корреляции с языковыми границами. Конечно, не следует исключать, что аккуратный статистический анализ на основе детального диалектологического атласа мог бы дать определенные результаты. Однако, во-первых, такой атлас пока отсутствует, во-вторых, в настоящее время распределение лексем по говорам оказывается в большой степени смазанным (в частности, из-за того, что многие носители современного ижорского и особенно курголовского финского имели опыт изучения литературного финского), в-третьих, многие слова вытесняются русскими заимствованиями или просто забываются.

Приведем примеры распределения нескольких почти произвольно выбранных лексем по рассматриваемым идиомам.

Как видно из Таблицы 1, мы можем наблюдать самые различные варианты распределения лексем:

- в первом примере сойкинский ижорский и водский, с одной стороны, противопоставляются нижнелужскому ижорскому и курголовскому финскому, с другой стороны;
- во втором примере сойкинский ижорский отличается от остальных идиомов;
- в третьем примере водский отличается от ижорских диалектов и курголовского финского;
- в четвертом примере, сойкинский ижорский отличается от остальных идиомов, а в курголовском финском наблюдается альтернативный вариант лексемы, не представленный в водском и нижнелужском ижорском;

¹³ Впрочем, *hāstā* встречается и в некоторых ингерманландских говорах за пределами Курголовского полуострова (устное сообщение М.З. Муслимова).

Лексические различия¹⁴

N	Лексема	ING-S	ING-L	FIN	VOD	Комментарий
1	бревно	herš	palkki	palkki	irsi ¹⁵	(ING-S = VOD) ≠ (ING-L = FIN)
2	ведро	uhlu	paŋki	paŋki	paŋki	ING-S ≠ (ING-L = VOD = FIN)
3	молоко	maito	maito	maito	pīm'	(ING = FIN) ≠ VOD
4	красивее	käbiemp	lusti(m)p	lustimpi ~ kaunempi ¹⁶	lustipi	ING-S ≠ (ING-L = VOD) ≈ FIN
5	стол	kanš	laut(ə)	pöytä	laut(ə)	FIN ≠ ING-S ≠ (ING-L = VOD)
6	мешок	šäkki	säkki ~ kotikko ¹⁷	säkki	säkki ~ kotti	(ING-S = FIN) ≈ (ING-L ≈ VOD)

– в пятом примере нижнелужский ижорский и водский совпадают, а в сойкином ижорском и курголовском финском наблюдаются другие лексемы;

– в шестом примере одна и та же лексема существует во всех идиомах, но в водском и нижнелужском ижорском есть альтернативные лексемы.

Даже немногие приведенные примеры наглядно демонстрируют, что в сфере лексики отсутствует последовательное противопоставление обоих ижорских диалектов водскому и курголовскому финскому. Таким образом, лексический критерий не может являться определяющим для квалификации ижорского как единого языка, отличающегося от соседних родственных языков.

2. ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Детальный анализ фонологии рассматриваемых идиомов затруднен, поскольку для них никогда не разрабатывались полноценные фонологические описания, обеспечивающие сопоставимость языков и диалектов (хотя в последнее время сделаны некоторые шаги в этом направлении: см. [Кузнецова 2009] об ижорской фонологии и [Маркус, Рожанский (в печати)] о водской фонологии). Ниже будут рассмотрены лишь наиболее яркие фонетико-фонологические свойства.

2.1. Фонология взрывных

В анализируемых идиомах наблюдаются две принципиально разные фонологические системы. В одном случае признаками для противопоставления взрывных становятся «глухой–звонкий» и «одиначный–геминированный». Так, в нижнелужском ижорском существуют минимальные пары следующего типа: *sata* 'сто:НОМ' – *satta* ~ *sattà* ~ 'сто:ПАРТ' – *sada* 'сад:НОМ' – *sadda* ~ *saddà* 'сад:ПАРТ'. Похожая ситуация наблюдается и в водских говорах нижнелужского ареала (*ripi* 'висеть:ИМП2СГ' – *rippi* 'висеть:ИМП3СГ' – *griba* 'гриб:НОМ' – *gribba* 'гриб:ПАРТ'), хотя полную четверную оп-

¹⁴ Список используемых обозначений приведен в конце статьи.

¹⁵ *irsi* и *herš* являются водским и ижорским вариантами одного и того же слова, получившимися в результате действия различных фонетических процессов.

¹⁶ Это слово появилось в курголовском финском в результате влияния литературного финского. Поскольку большинство из опрошенных нами носителей языка предлагало именно это слово, мы рассматриваем его как своего рода междиалектное заимствование.

¹⁷ Эта лексема наблюдается в южных говорах нижнелужского ижорского и является суффиксальным образованием от *kotti*.

позицию мы наблюдали только у лабиальных взрывных. По всей видимости, похожим образом была устроена фонология центральноводских говоров (хотя в грамматиках [Ahlqvist 1856] и [Ariste 1968] отсутствуют примеры на противопоставление одиночных и геминированных звонких, в [Ahlqvist 1856: 13–14] отмечается существование [d] и [dd]). Курголовский финский демонстрирует переходную систему: в нем есть противопоставление одиночных и геминированных глухих, одиночные же звонкие наблюдаются только в заимствованиях, но уже обладают фонематическим статусом (см. [Leppik 1975: 28]). Поэтому даже при отсутствии геминированных звонких в фонологической системе будут представлены те же самые два признака (поскольку одиночный глухой противопоставляется и геминированному глухому, и одиночному звонкому). Подчеркнем, что здесь мы рассматриваем только сами фонологические системы, а не использование фонем и их оппозиций в системе консонантных чередований (про них речь пойдет ниже).

Совсем по-другому устроена фонология сойкинско-ижорского. В сойкинско-ижорском противопоставление взрывных определяется не описанными двумя признаками, а оппозицией сильных и слабых фонем (см. [Кузнецова 2009]). Сильная фонема на фонетическом уровне реализуется как геминированный глухой согласный или же как одиночный глухой согласный (либо как полудолгий согласный). Слабая фонема реализуется как одиночный глухой или одиночный звонкий (либо как промежуточный полувзрывной вариант)¹⁸. Тем самым, в сойкинско-ижорском мы наблюдаем противопоставление взрывных не по двум признакам: «глухой–звонкий» и «одиночный–геминированный», а по одному: «сильный–слабый». Ср., например, в сойкинско-ижорском /aida/ ‘забор: NOM’ : [aida]/[aida]/[aita] и /aittā/ ‘забор: PART’ : [aittā~]/[aittā]/[aittā].

2.2. Свистящие и шипящие звуки

В водском, нижнелужском ижорском и курголовском финском существуют фрикативные свистящие [s] и [z]. В водском и нижнелужском ижорском также представлены шипящие [š] и [ž], однако они встречаются лишь в небольшом числе слов, например, *šiška* ‘тряпка’, *šizgaD* ‘тряпка: PL. NOM’, *karjušši* ‘пастух’ *VOD* (здесь мы, естественно, не рассматриваем новые заимствования из русского, где могут встречаться любые русские фонемы). Свистящим в указанных идиомах соответствуют шипящие в сойкинско-ижорском, например, ‘пилить: IMPF. 1SG’: *šahhàizhin* *ING-S*, *sahasin* *ING-L*, *FIN*, *sahazin* *VOD*; ‘большой’: *šūr* *ING-S*, *sūr* *ING-L*, *VOD*, *FIN*. Появление шипящих в сойкинско-ижорском, по-видимому, относительно новое явление. В грамматике [Porkka 1885] примеры из сойкинско-ижорского записываются со свистящими, хотя для верхнелужских говоров (ореджский диалект) отмечается существование шипящих¹⁹. Тем не менее в настоящее время наличие шипящих является достаточно ярким дистинктивным признаком сойкинско-ижорского, противопоставляющим его остальным окружающим идиомам, что, заметим, осознается и местными жителями (например, нижнелужская ижора проводит различие идиомов следующим образом: «Мы говорим на s, сойкинские говорят на š, а есть такие, которые говорят на tš²⁰»).

¹⁸ Заметим, что у сильных и слабых фонем, произнесенных как одиночный глухой, фонетическая реализация может пересекаться, хотя чаще длительность смычки у сильных фонем оказывается несколько больше, чем у слабых фонем.

¹⁹ В некоторых идиолектах нижнелужского ижорского и курголовского финского наблюдались свистящие, произносимые с некоторым шепелявым призвуком. Однако они были достаточно далеки от обычных шипящих, представленных в современном сойкинско-ижорском. Заметим, что в других говорах ингерманландского финского встречаются разные варианты реализации фрикативных, в частности, шипящие [š] и [ž] и шепелявые [ś] и [ź].

²⁰ В последнем случае имеется в виду водь. Заметим, что в данном случае отмечается именно частота соответствующего звука, а не фонетическое соответствие, поскольку водское [tš] соответствует ижорскому [k], а не [s] ~ [š] (см. ниже про палатализацию).

2.3. Палатализация заднеязычного смычного

Одним из основных признаков, противопоставляющих водский соседствующим языкам (курголовскому финскому и ижорскому), является палатализация заднеязычного [k] перед гласными переднего ряда [e], [i], [ä], [ü], [ö], приведшая к переходу [k] в [tš]. Например, ‘деревня’: *külä* *ING, FIN* и *tšülä* *VOD*; ‘кто’: *ken* *ING, FIN* и *tšen* *VOD*. В некоторых идиолектах нижнелужского ижорского наблюдалось смягчение [k] в указанной позиции, однако не столь сильное, чтобы произошел переход в полноценную аффрикату. Например, [tʰiugas] ‘печка’ вместо [kiugas], [tʰivi] ‘камень’ вместо [kivi].

2.4. Долгие гласные

Судьба исконных долгих гласных первого слога среднего подъема ([ō], [õ], [ē]) в рассматриваемых идиомах различна. В финском (как курголовском, так и литературном) они превратились в дифтонги [uo], [üö], [ie] соответственно. В водском [ō] и [õ] перешли в [ū] и [ü], а [ē] сохранился. В сойкинском ижорском произошло поднятие соответствующих гласных, что в некоторых идиолектах привело к полному совпадению с гласными верхнего подъема (например, *šū* ‘рот’ и *šū* ‘болото’), в других же идиолектах различие все-таки сохранилось: *šū* ‘рот’ и *šõ* ‘болото’ (см. [Кузнецова 2009]). В нижнелужском ижорском для говоров восточного берега Луги характерно сохранение исконных гласных ([ō], [õ], [ē]), а в говорах западного берега наблюдается переход в дифтонги, как и в финском (хотя в некоторых идиолектах возможно отклонение от указанного распределения). Например, ‘работа’: *tõ* или *tū* *ING-S*, *tüõ* или *tõ* *ING-L*, *tū* *VOD*, *tüõ* *FIN*; ‘дорога’: *tī* или *tē* *ING-S*, *tie* или *tē* *ING-L*, *tē* *VOD*, *tie* *FIN*.

2.5. Гласный среднего ряда средне-верхнего подъема

В водском языке существует фонема /e/, представляющая собой гласный среднего ряда средне-верхнего подъема, который в аффиксах выступает как сингармонический заднерядный коррелят гласного /e/. В сойкинском ижорском и курголовском финском такая фонема отсутствует. В нижнелужском ижорском в большинстве случаев на месте водского /e/ обнаруживается другой гласный, (ср., ‘очень, крепко’: *kovašt* *ING-S*, *kovast* *ING-L* и *kevassi* *VOD*; ‘быть:INF’: *олла* *ING, FIN* и *елла* *VOD*), хотя в этом диалекте звук [e] часто встречается в неначальных слогах. При этом он находится в процессе фонологизации, то есть, если в некоторых идиолектах [e] при четком произнесении проясняется в другой гласный, то в других идиолектах такого прояснения не наблюдается, и можно постулировать существование в них фонемы /e/, например, ‘сосед’: *nāpur* ~ *nāper* *ING-L*, *nāpuri* *ING-S, FIN*, *nāpuri* ~ *nāperi* *VOD* (первый вариант представлен в песоцко-лужицком, а второй в кракольском говоре водского).

Таким образом, фонетические и фонологические критерии, различающие рассматриваемые идиомы, дают довольно пеструю картину, которую можно представить в следующей таблице.

Таблица 2

Фонетико-фонологические различия

Фонология взрывных	$ING-S \neq (ING-L = VOD \approx FIN)$
Свистящие и шипящие	$ING-S \neq (ING-L = VOD \approx FIN)$
Палатализация заднеязычного смычного	$(ING-S = ING-L = FIN) \neq VOD$
Долгие гласные	$ING-S \neq FIN \approx / \neq ING-L \neq VOD$
Гласный среднего ряда верхне-среднего подъема	$(FIN = ING-S) \neq (ING-L \approx VOD)$

Как несложно заметить, ни один из критериев не противопоставляет оба ижорских диалекта соседствующим языкам: либо один диалект отличается от другого и соседствующих языков, либо ижорские диалекты совпадают как друг с другом, так и с другим соседствующим языком, либо каждый из рассматриваемых идиомов имеет свою специфику.

3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Рассмотрим критерии, которые относятся к разряду грамматических. В их число входят:

- различия в наборе значений грамматических категорий;
- различия в системе грамматических показателей;
- различия в системе чередования консонантных кластеров в основе;
- различия в использовании грамматических форм;
- различия в синтаксисе.

Следует подчеркнуть, что в данной работе мы рассматриваем указанные критерии независимо друг от друга, поскольку, с нашей точки зрения, они выявляют системные различия в грамматике языков. Хотя иногда сочетание различных признаков (например, грамматического показателя и консонантного кластера в основе) создает специфичную для данного идиома форму, различия такого рода мы относим к частным, то есть противопоставляющим говоры одного идиома не реже, чем диалекты и языки.

3.1. Грамматические категории

У имен в прибалтийско-финских языках в максимальном варианте существуют три грамматические категории: число, падеж и притяжательность.

Категория числа имеет два значения: единственное и множественное. С этой точки зрения все рассматриваемые идиомы идентичны.

У категории падежа существуют следующие значения: номинатив, генитив, партитив, иллатив, инессив, элатив, аллатив, адессив, аблатив, транслатив и эссив, причем последний во всех указанных идиомах образуется от ограниченного числа имен. Кроме того, супин²¹ может оформляться показателем абессива, в именах же этот падеж был вытеснен предложной конструкцией. Единственным падежом, который представлен не во всех идиомах, оказывается комитатив: если в курголовском финском, водском и нижнелужском ижорском он существует как отдельный падеж²², то в сойкинском ижорском он отсутствует, а соответствующие функции распределяются между аллативом (инструмент) и конструкцией с послелогом *kerä* (совместность). Из более мелких различий следует отметить слияние адессива и аллатива в единый падеж, которое наблюдается в одном говоре водского языка и в ряде идиомов нижнелужского ижорского (подробнее см. ниже)²³.

Что касается притяжательности, то на данный момент она потеряна во всех рассматриваемых идиомах (хотя еще недавно она была вполне живой категорией, например, в ижорском: см. тексты, опубликованные в [Porkka 1885]²⁴).

Глагол прибалтийско-финских языков обладает категориями времени, наклонения, полярности, лица и числа, а некоторые нефинитные формы могут изменяться по

²¹ Термин «супин» представляется нам не идеальным для обозначения глагольных форм на *-ta*, однако он уже прижился в научной литературе (см., например [Маркус 2006]) и, похоже, альтернативного наименования этих форм, которое было бы более удачным, не существует.

²² Комитатив не является полноценным падежом (анализ комитатива представлен в [Маркус 2007]), однако в данной работе мы не будем вдаваться в детали проблем, связанных с комитативом, так как для темы предлагаемого в статье исследования это не принципиально.

²³ В других диалектах ингерманландского финского тоже нередко наблюдается совпадение аллатива с адессивом, см., например [Kokko 2000].

²⁴ В ряде других диалектов ингерманландского финского притяжательность сохранилась.

падежам и числам. Также, следуя традиции, мы выделяем категорию залога, которая противопоставляет имперсональные формы другим глагольным формам и различает активные и пассивные причастия.

Набор времен в рассматриваемых идиомах одинаков: из времен используются презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект²⁵; из наклонений – индикатив, кондиционалис и императив. Ранее в водском, ижорском и курголовском финском существовал потенциалис, однако в наше время это наклонение полностью вымерло (во всех рассматриваемых идиомах сохранились формы потенциалиса бытийного глагола, которые сейчас полностью лексикализировались и используются в бытийных конструкциях с семантикой будущего времени: *līn- ~ lēn- ING-S*, *lien- ~ lēn- ING-L*, *lē- VOD*, *lien- FIN*, например, водское *ōmen miä lēn linneZ* ‘Завтра я буду в городе’). Детальное сравнение всех элементов глагольной парадигмы в рассматриваемых идиомах представляется затруднительным, поскольку некоторые элементы (например, кондиционалис перфекта) находятся в состоянии вымирания, и мы можем говорить лишь о существовании соответствующих форм в конкретном идиолекте, но не в языке в целом. Из более четких различий следует назвать:

- формы императива 3 лица, которые отсутствуют в современном сойкинском ижорском (их вытеснили аналитические конструкции), но сохранились в водском (например, *teh-ko* ‘делать-IMP:3SG’, *teh-koD* ‘делать-IMP:3PL’, *vette-go* ‘брать-IMP:3SG’, *vette-goD* ‘брать-IMP:3PL’), а также в ряде идиолектов нижнелужского ижорского и курголовского финского;

- категорию числа в аналитических глагольных формах с активными причастиями (например, в отрицательном имперфекте): в ижорском и курголовском финском эти формы различаются по числу, а в водском такое различие отсутствует.

3.2. Грамматические показатели

Далее будет произведено сравнение грамматических показателей в анализируемых языках. Следует подчеркнуть, что поскольку каждый из идиомов (водский, курголовский финский, сойкинский ижорский, нижнелужский ижорский) имеет свои особенности в устройстве как фонетики, так и фонологической системы, мы не будем считать существенными различия, не выходящие за пределы очевидного варьирования алломорфов (прежде всего, имеются в виду различия, касающиеся ослабления конечных гласных и варьирования одиночных / геминированных, глухих / звонких согласных). Например, показатель аллатива в водском имеет варианты *lā/llā*, *le/le*, обусловленные фонологическим противопоставлением латеральных аппроксимантов (/л/ и /л/ приобрели в водском статус отдельных фонем), а также различием в говорах (в песочко-лужицком говоре наблюдается геминированный согласный с редуцированным гласным /ə/, а в кракольском – одиночный согласный с полным гласным /e/ или /e/). В ижорском языке отсутствует фонологическое противопоставление латеральных аппроксимантов *l* и *l*, но в показателе аллатива допускается варьирование одиночного и геминированного согласного, а также варьирует степень редукции, в результате чего мы наблюдаем варианты *l*, *ll*, *le*, *lle*, *lā*, *llā* в нижнелужском ижорском и варианты *le*, *lle* в сойкинском ижорском. Все различия такого рода (часто зависящие не только от языка и диалекта, но и от говора и даже от идиолекта) мы не квалифицируем как грамматические, считая, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же показателем. Что же касается

²⁵ Подчеркнем, что мы не рассматриваем в качестве времени конструкцию с презенсом глагола «стать» и супином (например, водское *tāmā nejzeB itkema* ‘Он будет плакать’), которая в ряде грамматик считается аналитическим будущим временем (например, в [Tsvetkov 2008] эта конструкция называется «будущее сложное время»). Включение ее в число глагольных времен однозначно требует признания временем целого ряда других конструкций (в частности, более частотной конструкции с имперфектом того же глагола, например, *tāmā nejsi itkema* ‘Он стал плакать (= заплакал)’), что приведет к непомерному и необоснованному разрастанию глагольной парадигмы.

различий, которые являются результатом давних системных изменений, приведших к различному облику показателей в разных идиомах, то они рассматриваются как существенные (например, водский показатель транслатива из-за ассимиляции стал выглядеть как *ssi*, тогда как в ижорском языке сохранился более архаичный вариант *kš/ks*).

3.2.1. Имена

Таблица 3

Показатели числа

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
Ед. число	Ø	Ø	Ø	Ø	ING = FIN = VOD
Мн. число в номинативе	t (d)	d	d	t	ING = FIN = VOD
Мн. число в косвенных падежах	i, loi/löi	i	j ²⁶	i	ING-S ≠ (ING-L = FIN = VOD)

Показатель единственного числа во всех рассматриваемых идиомах нулевой. Во множественном числе показатели различаются в номинативе (*-t/-d*) и в косвенных падежах. В последнем случае везде наблюдается показатель *-i/-j*, но в сойкином ижорском ряд слов использует показатель *-loi/-löi* (например, *kodi* ‘дом’ – *kodi-loi-n* ‘дом-PL-GEN’), что отличает этот идиом от прочих.

Как видно из Таблицы 4, различия между указанными идиомами наблюдаются в показателях следующих падежей:

1. Генитив. Здесь водский отличается от остальных идиомов отсутствием показателя *-n* (ср., ‘волк:GEN’: *sue* VOD и *sue-n* ING-L, FIN, *šue-n* ING-S).

2. Аллатив-адессив. Ослабление конечного гласного в показателях и относительная нестойкость геминации привели к тому, что в некоторых говорах произошло слияние адессива и аллатива. Это имеет место в песоцко-лужицком говоре водского, где показателем аллатива-адессива стал *-llə/-llə*, хотя в соседнем кракольском говоре такого не произошло: показатель аллатива сохранился в виде *-le/-le*, а показатель адессива – в виде *-ll/-ll*. Сойкинский ижорский и курголовский финский сохранили различие этих двух падежей, что же касается нижнелужского ижорского, то там наблюдается еще незавершенная тенденция к их слиянию: в одних идиолектах противопоставление сохраняется, в других оно уже потеряно. По нашим наблюдениям, потеря этого противопоставления более характерна для южных нижнелужских говоров.

3. Элатив и транслатив. Показатели элатива *-ss(ə)* и транслатива *-ssi* отличают водский язык от окружающих идиомов, поскольку в ижорском и финском используются показатели *-st(ə)/-št* и *-ks/-kš* соответственно. Например, ‘дерево-ELAT’: *pū-št* ING-S, *pū-st(ə)* ING-L, FIN, *pū-ss(ə)* VOD; ‘учитель-TRANS’: *obetaja-kš* ING-S, *opettaja-ks* ING-L, FIN, *utšitel’ a-ssi* ~ *epettaja-ssi* VOD.

4. Комитатив. В сойкином ижорском отсутствует комитатив как отдельный падеж (как отмечалось выше, его функции распределяются между адессивом и послеложной конструкцией). В остальных идиомах комитатив существует и имеет показатель *-(ŋ)ka/-(ŋ)kä* в нижнелужском ижорском и курголовском финском²⁷, либо *-ka* (без сингармонических вариантов) в водском. Считается, что в нижнелужском ижорском

²⁶ Показатель множественного числа *-i* образует дифтонг с конечным гласным основы. В водском языке (в отличие от ижорского, финского, эстонского) второй компонент таких дифтонгов не отличается от консонанта [j], поэтому мы обозначаем его соответствующим образом. Это различие не грамматического плана.

²⁷ Начальный носовой является окончанием генитива *-n*, к которому присоединился комитативный маркер *-ka/-kä*. В ряде нижнелужских говоров комитатив может образовываться и без носового согласного.

Падежные показатели

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
Номинатив	Ø	Ø	Ø	Ø	ING = FIN = VOD
Генитив	n	n	Ø	n	(ING = FIN) ≠ VOD (в водском нулевой показатель)
Партитив	a/ä, t (d) ²⁷ , (t)tă/(t)tă (dă/dă)	a/ä, t, tă/tă	a/ä, t	a/ä, t, tă/tă	ING = FIN = VOD
Иллатив	Ø, (š)še	Ø, ss(ə)	Ø, se/se	Ø, sse	ING = VOD = FIN
Инессив	š (ž)	s, ss(ə), z	z	s	ING = FIN = VOD
Элатив	št	st(ə)	ss(ə)	st	ING = FIN ≠ VOD
Аллатив	(l)le	l(l), l(l)e, l(l)ə	ле/le, ллə/llə	l(l)e	ING-S = FIN ≈ VOD ≈ ING-L (см. ниже про совпадение аллатива и адессива)
Адессив	(l)l	l(l)	лл/ll, ллə/llə	l(ə), ll	ING-S = FIN ≈ VOD ≈ ING-L (см. ниже про совпадение аллатива и адессива)
Аблатив	lt	lt(ə)	лт(ə)/лт(ə)	lt	ING = FIN = VOD
Транслатив	kš	ks	ssi	ks	(ING = FIN) ≠ VOD
Комитатив	отсутствует	(ŋ)ka/(ŋ)kā	ka	ŋka/ŋkā	ING-S ≠ (ING-L = FIN ≈ VOD) (в водском показатель несингармоничный)
Эссив	n	n, nă/nă	n, nn	n	ING = FIN = VOD

комитатив был заимствован из водского или курголовского финского (см. [Лаанест 1966: 106])²⁹. Ср. ‘пилой’: *saha(ŋ)ka* ING-L, *sahaŋka* FIN, *sahaka* VOD и *šahal* ING-S; ‘с кем’: *kene(ŋ)kā* ING-L, *kenenkā* FIN, *tšeneka* VOD и *kenen kera* ING-S.

3.2.2. Глагол

Таблица 5

Личные показатели

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
1SG	n	n	n	n	ING = FIN = VOD
2SG	t (d)	d	d	t	ING = FIN = VOD
3SG:PRS	p (b), Ø, jà/jă	b, Ø, jà/jă	b	p, Ø, jà/ jă	(ING = FIN) ≠ VOD (в водском нет показателей jà/jă и Ø)
3SG:IMPF, COND	Ø	Ø	Ø	Ø	ING = FIN = VOD

²⁸ Здесь и далее в скобках мы приводим второстепенные варианты показателей, обусловленные различием говоров, выбранной системой транскрипции и т.п.

²⁹ Впрочем, существование форм без носового консонанта заставляет нас все-таки считать источником нижнелужского комитатива именно водский язык.

Таблица 5 (окончание)

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
1PL	(m)ma/(m)mă	mm, mmă/mmă	mm(ə)	mm, mmă/ mmă	ING = FIN = VOD
2PL	(t)ta/(t)tă	tt, ttă/ttă	tt(ə)	tt, ttă/ttă	ING = FIN = VOD
3PL:PRS	vat/văt(vad/văd), t(d), jat/jăt (jad/jăd)	vad/văd, d, jad/jăd или имперсо- нальные формы	имперсо- нальные формы	vat/văt, t, jăt/ jăt	(ING-S = ING-L = FIN) ≠ VOD или (ING-S = FIN) ≠ (ING-L = VOD)
3PL:IMPF, COND	vat/văt (vad/ văd), t (d)	vad/văd или имперсо- нальные формы	имперсо- нальные формы	vat/văt	ING-S ≠ (ING-L = FIN) ≠ VOD или ING-S ≠ (ING-L = VOD) ≠ FIN

Различия в личных показателях у рассматриваемых идиомов оказываются незначительными. Водский язык отличается от остальных отсутствием показателя *-jà/-jă* и нулевого показателя, характерных для формы презенса 3 лица у ряда ижорских и финских глаголов.

Наиболее существенными оказываются различия в формах 3 лица множественного числа, поскольку в водском и частично в нижнелужском ижорском исходные личные формы были вытеснены имперсональными. В 3 лице множественного числа имперфекта и кондиционалиса в сойкинском ижорском существует показатель *-t/-d*, не представленный в других идиомах.

Таблица 6

Показатели времени и наклонения

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
PRS	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
IMPF	i, j, iži ³⁰	i, j, si ³¹	i, j, zi	i, j, si	ING-S ≠ (ING-L = FIN = VOD)
COND	iži, ișiži, jaiži/jăiži, jaișiži/ jăișiži	isi, isisi, jaisi/jăisi	izi, jsizi ³² , jajsi/jăjsi, jajsizi/ jăjsizi	isi, jsisi, jaisi/jăisi	(ING-S = VOD) ≠ (FIN = ING-L)
IMP2SG	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
IMP2PL	(k)ka/(k)kă (ga/gă)	(k)ka/ (k)kă	ka	(k)kà/(k)kă	ING = FIN ≈ VOD
IMP3SG	отсутст- вует	отсутст- вует или ko/kö	ko, go	отсутст- вует или kò/kö	ING-S ≠ (FIN = ING-L ≈ VOD) или (ING-S = FIN = ING-L) ≠ VOD

³⁰ Во всех рассматриваемых идиомах в 3 лице единственного числа имперфекта и кондиционалиса конечный *-i* имеет свойство отпадать. В данную таблицу мы не включаем варианты показателей с отпавшим конечным гласным.

³¹ В липовском говоре нижнелужского ижорского также может использоваться показатель *-is*, близкий к показателю *-iži* сойкинского ижорского.

³² В кракольском говоре водского языка форматив *-jsizi* принимает вид *-jsejzi*.

		ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
IMP3PL		omcymcm- vuet	omcymcm- vuet или kod/köd	kod, god	omcymcm- vuet или kòt/kòt	ING-S $\neq$ (FIN = ING-L $\approx$ VOD) или (ING-S = FIN = ING-L) $\neq$ VOD)
IMPRS	PRS IMPF COND	(t)tà/(t)tă (dà/dă) (t)tì (dì) (t)taiž/(t)tăiž	tà/tă (t)tì (t)tais/ (t)tăis	ta/tă (t)ti (t)tajz/(t)tăjz	tà/tă (t)tì (t)tais/ (t)tăis	ING = FIN = VOD

Как видно из таблицы, различие показателей времени и наклонения наблюдается в следующем:

1. В сойкинском ижорском существует специфический показатель имперфекта *-iži*, хотя остальные показатели имперфекта имеют аналоги в других идиомах;

2. В показателях кондиционалиса набор форматов одинаковый во всех идиомах, хотя комбинация из формата *-ja/-jä* и двойного формата *-jsizi VOD*, *-išiži ING-S* не была зафиксирована в нижнелужском ижорском и курголовском финском;

3. Показатели императива 2 лица множественного числа и 3 лица обоих чисел в водском не имеют сингармонических вариантов.

4. Показатели императива 3 лица отсутствуют в сойкинском ижорском, существуют в водском и ряде идиолектов нижнелужского ижорского и курголовского финского.

Таблица 7

Показатели нефинитных форм

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
INF	a/ă, ta/tă (da/dă), vva/vvă ³³	a/ă, tă/tă, vvă/vvă	a/ă, t/t, vv	a/ă, ta/tă, vva/vvă, hha/hhä	ING = VOD $\neq$ FIN
SUP	ma/mă	ma/mă	ma/mă	mà/mă	ING = FIN = VOD
PRTACT:SG	nt (nd) , nut/nüt (nud/nüd), t (d)	(n)nu(d)/ (n)nü(d), d	(n)nu(d)/ (n)nü(d)	(n)nu(t)/ (n)nü(t), nt, t	(FIN = ING-S) $\neq$ ING-L $\neq$ VOD
PRTACT:PL	net (ned), neht (nehd), nent (nend)	nèd	совпадаем с SG	nèt	ING-S $\approx$ (ING-L = FIN) $\neq$ VOD
PRTPASS	ttu/ttū, du/dū	(t)tu/t(t)ū	(t)tu/(t)tū	(t)tu/t(t)ū	ING = FIN = VOD

В нефинитных формах разнообразие демонстрируют показатели активного причастия, которые могут различаться наличием или отсутствием гласного, конечного взрывного и носового. Кроме того, в водском языке они не имеют противопоставления по числу.

В курголовском финском существует вариант показателя инфинитива *-hha/-hhä*, отсутствующий в других сравниваемых идиомах.

³³ Показатель *-jj(a/ă)*, представленный в единичных примерах (*VOD vējj*, *ING-S vējjä* 'нести, везти:INF' и т.п.), мы в таблицу не включаем.

4. ЧЕРЕДОВАНИЯ КОНСОНАНТНЫХ КЛАСТЕРОВ

Чередования консонантных кластеров в основе являются важным морфологическим механизмом во всех рассматриваемых идиомах: существует немало примеров, когда чередования оказываются единственным способом различения грамматических форм, ср. например, следующие пары форм в водском языке: *lejpä* 'хлеб:PART' – *lejä* 'хлеб:GEN', *aĵa* 'гнать:IMP' – *aĵja* 'гнать:INF', *tšülä* 'деревня:НОМ' – *tšüllä* 'деревня:ILL'.

Детального анализа и сопоставления систем чередования в разных говорах и диалектах рассматриваемых языков не проводилось. То есть мы не имеем возможности сделать какие-либо окончательные выводы по поводу того, насколько систему чередований можно использовать для проведения границ рассматриваемых идиомов. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сформулировать ряд утверждений:

Различия консонантных кластеров в конкретных формах конкретных лексем очень часто различают даже близкие говоры одного и того же диалекта. Ср., например, следующие пары, где первая форма относится к кракольскому говору водского языка, а вторая – к песочко-лужицкому: *suvan* – *suvvan* 'любить:PRS:1SG', *raha* – *rahha* 'деньги:PART', *ilata* – *ilata* 'убирать:SUP'.

То есть, такого рода частные различия между консонантными кластерами в отдельных формах некоторых лексем демонстрируют особенности говоров (а иногда даже идиолектов) и не могут в полной мере применяться для проведения границ между языками. Что же касается системных отличий, характеризующих систему чередований в целом, то нам известно лишь одно отличие, действительно соответствующее границам языков. Оно связано с консонантным кластером [tk], который в ингерманландском финском (в том числе в курголовском) не имеет слабоступенного коррелята (см. [Галахова 2000: 123]), в ижорском второй согласный этого кластера чередуется с Ø: *itkōmä* 'плакать:SUP' – *iden* 'плакать:PRS:1SG' *ING-S*³⁴, а в водском наблюдается чередование со звонким кластером [dg]: *itkema* 'плакать:SUP' – *idgen* 'плакать:PRS:1SG'.

В остальном же различия в системах чередований не дают столь четких результатов.

Такое достаточно важное свойство, как развитие вторичной геминации, наблюдается во всех рассматриваемых идиомах при том, что в центральноводских говорах вторичная геминация отсутствовала.

Подчеркнем, что система чередований в нижнелужском ижорском по ряду признаков ближе к водской, чем к наблюдаемой в сойкином ижорском. Например, если в водском и нижнелужском ижорском чередованию подвергается (за редчайшим исключением) последний консонант или кластер гласной основы, то в сойкином это не так. Ср., например, *ommēna* 'яблоко:НОМ' – *omenā* 'яблоко:PART' *ING-S*, *omena* ~ *omen(ə)* 'яблоко:НОМ' – *omena* ~ *omenā* 'яблоко:PART' *ING-L*, *omen* 'яблоко:НОМ' – *omena* 'яблоко:PART' *VOD* или *kelttain* 'желтый:НОМ' – *kellaišt* 'желтый:PART' *ING-S*, *keltain* 'желтый:НОМ' – *keltaist* 'желтый:PART' *ING-L*³⁵, *keltejn* 'желтый:НОМ' – *keltejss* 'желтый:PART' *VOD*.

Следует подчеркнуть, что вообще в ситуации конвергенции языков (что касается в первую очередь нижнелужского диалекта ижорского) чередования оказываются не слишком надежным критерием для проведения языковых границ, поскольку часть заимствованных лексем может включаться в уже существующую в языке-реципиенте систему чередований, а другая часть заимствоваться в виде полного набора грамматических форм, содержащих исходные чередования языка-донора. Эту проблему наиболее ярко демонстрирует материал куровицкого диалекта, являющегося смешанным водско-ижорским языком. С. Сухонен, проанализировав систему чередований куровицкого диалекта (см. [Suhonen 1985: 147]), приходит к выводу, что система чередований этого идиома наполовину принадлежит ижорскому, а наполовину водскому языку. В действительности куровицкий диалект представляет собой сочетание субстратной водской грамматики с заимствованной ижорской лексикой (см. [Маркус, Рожанский

³⁴ Для нижнелужского диалекта в [Лаанест 1966: 42] мы находим форму *itēn* 'плакать:PRS:1SG'.

³⁵ Эти ижорские примеры предоставлены Н.В. Кузнецовой.

2007]), но из-за двух указанных способов заимствования именно система чередований оказывается в куровицком смешанной ижорско-водской.

Указанное выше различие языков в отношении чередующегося кластера [tk], с этой точки зрения, оказывается применимым критерием, скорее, по случайности: в [Лаанест 1966: 42] для уже вымершего хэваского диалекта приводятся дублетные формы: *iden/ idēn ~ itken*, возникшие под влиянием финского языка. Это подтверждает наш тезис о слабой устойчивости системы чередований в условиях интенсивных языковых контактов близкородственных языков³⁶.

Таким образом, предварительный анализ системы чередований не позволяет надеяться на выявление достаточно ярких критериев, позволяющих противопоставить ижорские диалекты соседствующим языкам.

5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И СИНТАКСИС

Отсутствие грамматических описаний, где детально исследовались бы синтаксис и грамматическая семантика рассматриваемых идиомов, не позволяет в настоящее время обеспечить межъязыковое сопоставление. Несомненно, в этих сферах можно найти отдельные случаи, когда та или иная конструкция оказывается специфичной не для всех идиомов. Например, в ижорских диалектах и в курголовском финском часто встречается генитивная форма местоимения при модальном глаголе долженствования (*siun pittā* 'ты должен'), в то время как в водском языке всегда используются формы аллатива или адессива (*silä piäB*)³⁷. Однако различий такого рода немного (в этой области все рассматриваемые идиомы довольно близки), и все известные нам различия опять-таки не оказываются специфичными для ижорских диалектов.

Анализ приведенного материала показывает, что и среди грамматических критериев мы не находим таких, которые продемонстрировали бы достаточно яркие черты, характерные для обоих ижорских диалектов и отсутствующие в соседствующих идиомах. Практически единственным исключением оказывается способ чередования кластера [tk]. Однако мы находим целый ряд свойств, выделяющих среди рассматриваемых идиомов сойкинский диалект ижорского языка: показатель множественного числа *-loi/-lōi*, отсутствие комитатива, показатель имперфекта *-iži* и др.

6. ПРИМЕРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Перед тем как перейти к формулировке обобщений и выводов нашего исследования, приведем в качестве примера несколько предложений из рассматриваемых идиомов. Эти примеры являются наглядной демонстрацией того, что существующие различия в этих идиомах носят, скорее, частный, а не системный характер и не отличаются принципиально от различий между говорами одного и того же диалекта или даже между отдельными идиолектами. После каждого примера указано место, в котором он был записан.

1. 'У моей сестры никогда не было денег'

ING-S: *miun šiarèl konškà ei olt rahhà* (Репино)

ING-L: *miun sisol konsajt ei ollu rahha* (Краколье)

miun sisoll konsaki ei old rahha (Краколье)

miun sisol konsa ei old rahha (Дальняя Поляна)

VOD: *minu sizollä kensa eB ellu rahha* (Лужицы)

FIN: *miun sisarel konsà ei olt rahhà* (Конново)

miun sisol konskà ei olt rahhà (Выбье)

³⁶ См. также [Леппик 1975: 27], где отмечается появление в курголовском финском чередований ижорского происхождения.

³⁷ Точнее: в кракольском говоре используется форма адессива (*silä*) или реже аллатива (*sil(л)ē*), в песоцко-лужицком – форма аллатива-адессива (*silä*).

2. 'Налей воды в эту бутылку'

ING-S: *vala vettä tähä pudeli* (Репино)

ING-L: *vala vett tähä puteli* (Ропша)

VOD: *вала вett sihe putelise* (Краколье)

вала вettä sihe puteli (Лужицы)

FIN: *vala vettä tähä puteli* (Конново)

3. 'Я все сделал и теперь могу отдохнуть'

ING-S: *miä kaik tein, nüttä šän hūvada* (Вистино)

miä kaik tein, nūd šän hōgada (Вистино)

ING-L: *miä kaik tein i nütt sän huovet* (Б. Куземкино)

VOD: *miä kejG tejn i nütt sän hōget* (Краколье)

FIN: *miä kaik tein i nütt sän levätä* (Выбье)

ОБОБЩЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд утверждений.

1. Ижорский язык в настоящее время представляет два условно объединенных диалекта. Один из них (сойкинский) обладает целым рядом черт, отличающим его как от соседствующих языков, так и от другого ижорского диалекта (нижнелужского). Последний представляет собой конвергентный тип, поскольку по многим параметрам сближается с курголовским финским и водским языком.

Что касается ижорского языка в целом, то ни один из рассмотренных выше критериев не выявляет серьезных системных отличий обоих ижорских диалектов от соседствующих языков (водского и курголовского финского). Имеющиеся отличия в подавляющем большинстве либо наблюдаются только в одном из диалектов ижорского языка, либо противопоставляют оба ижорских диалекта лишь одному из соседствующих языков.

Анализ более мелких черт (таких как использование отдельных лексем, форм и т.п.) способен лишь усложнить описанную картину, поскольку в нижнелужском ареале количество мелких различий между говорами очень велико, а некоторые из них являются результатом смешения разных языков, что дает в высшей степени смазанную диалектную картину.

Заметим, что в настоящее время такого рода детальный анализ, ставящий целью выявление специфических черт каждого говора, вообще становится почти неразрешимой задачей, поскольку количество носителей языка очень мало, а их языковые биографии характеризуются высокой вариативностью.

В результате, вопрос о том, что следует считать современным ижорским языком, оказывается в высшей степени проблематичным. По всей видимости, если бы определение границ языков проводилось в наше время без оглядки на существующую традицию, его результатом стало бы деление на языки, отличное от принятого³⁸.

2. Описанная ситуация характеризует прежде всего современное состояние ижорского языка, которое сложилось за последние десятилетия. Судя по работам предшествующих исследователей, еще в середине XX века можно было наблюдать несколько отличную ситуацию.

Так, П. Аристе, в отличие от большинства предшественников рассматривавший ижорский не как диалект финского, а как независимый язык, отмечает целый ряд специфических черт ижорской морфологии [Ariste 1956]³⁹:

³⁸ Обратим внимание, что последнее время происходит пересмотр состава прибалтийско-финских языков. Например, если еще недавно говорили об одном карельском и одном эстонском языках, то в современной классификации карельский язык считается не одним языком, а тремя: собственно карельским, ливиковским и людиковским, а эстонский язык представлен двумя языками: собственно эстонским и южноэстонским.

³⁹ Насколько обоснованно эти черты можно считать спецификой ижорского языка – вопрос неочевидный, поскольку некоторые из перечисленных ниже явлений мы наблюдаем в отдельных говорах соседствующих языков.

1. Использование эксцессива (падежа с показателем *nD*), типа *trepGilöinD* 'из батраков', *oBettajanD* 'учитель по профессии', *paimeninD* 'из пастухов';
2. Специфическая система посессивных суффиксов;
3. Специфический показатель потенциалиса: *tullenen* 'я, может быть, приду', *tullonotta* 'вы, может быть, придете';
4. Особое окончание императива 3 лица множественного числа: *luGeGasse* 'пусть они читают', *anDaGasse* 'дадут', *sāGassek* 'получат';
5. Показатель активных причастий обычно выглядит как *nd-* или *t*;
6. Специфическое окончание 3 лица множественного числа глагольных форм: *hō kirjuttāD* 'они пишут', *künDāD* 'пашут', *tullōD* 'приходят', *lukkōD* 'читают'.

Однако в современном ижорском языке полностью отсутствуют формы эксцессива, не используются притяжательные суффиксы, нет указанных форм императива 3 лица множественного числа, исчез потенциалис. Показатель активных причастий в ряде ижорских говоров *(n)nut* ~ *(n)nūt*, а показатели *nt-* или *t* наблюдаются и в курголовском финском. Аналогично, в курголовском финском существуют такие же (в пределах варьирования, обусловленного особенностями фонетики-фонологии идиома), как и в ижорском, окончания 3 лица множественного числа презенса (например, *tekkōöt* 'делают', *antaat* 'дают' [Леппик 1975: 25]).

Подчеркнем, что, хотя не все из перечисленных свойств наблюдались в каждом ижорском диалекте, подход П. Аристе представлялся абсолютно оправданным, поскольку опирался на принципиально отличную от нашего времени языковую ситуацию. В середине XX века (то есть когда существовали четыре, а не два ижорских диалекта), можно было говорить об основном ижорском языке (представленном сойкинским, оредежским и хэваским диалектами) и отбившемся от него конвергентным нижнелужским диалектом. В настоящее время единственным аргументом, который позволял бы считать сойкинский диалект «главным», а нижнелужский – «испорченным контактами», оказывается архаичность первого из них. Однако архаичность одного из диалектов в принципе не может считаться сколько-либо серьезным аргументом, так же, как было бы странно считать, что язык русских эмигрантов, покинувших Россию в первой половине XX века, является более чистым русским языком, чем современный русский, обогатившийся многочисленными заимствованиями и претерпевший целый ряд изменений на всех языковых уровнях.

Таким образом, и трансформация самого языка, и изменение всей языковой картины позволяют констатировать, что за полвека проблема существования и единства ижорского языка приобрела совсем новый вид.

3. Отмеченная проблема не является чисто терминологической или экстралингвистической. Приняв положение о том, что ижорский является одним языком, исследователь, решивший написать грамматику ижорского языка, оказывается перед следующей дилеммой. Либо он вынужден описывать оба ижорских диалекта независимо друг от друга и тем самым отказаться от понятия наддиалектной грамматики ижорского языка в том смысле, в котором существуют, например, грамматики английского или русского языков. Либо он должен нарушить базовый принцип однозначности, подразумевающий, что читателю грамматики не приходится видеть сразу несколько фонологических инвентарей, различные падежные системы, различные транскрипции и т.п. Ижорский язык, до сих пор не имеющий своей синхронной грамматики⁴⁰, является яркой иллюстрацией того, как нетривиальность понятия «язык» отражается на проблемах, которые возникают у лингвиста, задумавшего создать грамматику языка.

⁴⁰ Работы [Porkka 1885; Лаанест 1966; 1978; Laanest 1986] носят характер диалектологических или исторических описаний и не могут считаться в полной мере грамматиками ижорского языка. Заметим также, что предпринятая в 30-х годах XX века попытка создания литературного ижорского языка потребовала разработки компромиссного междиалектного варианта (см. [Junus 1936; Муслимов 2005]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов, Крысин 2001 – В.И. Беликов, Л.П. Крысин. Социоллингвистика. М., 2001.
- Галахова 2000 – Л.Я. Галахова. Чередование ступеней согласных в основе слова в финских говорах Ленинградской области // Кафедра финно-угорской филологии: Избранные труды к 75-летию кафедры. СПб., 2000.
- Крючкова 2003 – Т.Б. Крючкова. Ижорский язык // Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Кн. 2. М., 2003.
- Коряков 2004 – Ю.Б. Коряков. Систематика языков // <http://lingvarium.org/systematics.shtml>, 2004.
- Коряков 2001 – Ю.Б. Коряков, Т.А. Майсак. Систематика языков мира и базы данных в интернете // Труды Междунар. семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. М.; Аксаково, 2001.
- Кузнецова 2009 – Н.В. Кузнецова. Фонологические системы ижорских диалектов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Лаанест 1966 – А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.
- Лаанест 1993 – А. Лаанест. Ижорский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Лаанест 1978 – А. Лаанест. Историческая фонетика и морфология ижорского языка: Дис. ... докт. филол. наук. Таллин, 1978.
- Леппик 1975 – М.-М.П. Леппик. История фонологической системы курголовского финского диалекта в Ингерманландии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1975.
- Маркус 2006 – Е.Б. Маркус. Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Маркус 2007 – Е.Б. Маркус. О статусе комитатива и терминатива в водском языке // Конф. по уральским языкам, посвящ. 100-летию К.Е. Майтинской. Москва, 12–16 ноября 2007 г. Тезисы. М., 2007.
- Маркус, Рожанский 2007 – Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский. Феномен куровицкого идиома // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург. Вып. 9. Уралистика. Филол. факультет СПбГУ. СПб., 2007.
- Маркус, Рожанский (в печати) – Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский. Современный водский язык (тексты и грамматический очерк). В печати.
- Муслимов 2005 – М.З. Муслимов. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Ahlqvist 1856 – А. Ahlqvist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors – Acta societatis scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- Ariste 1956 – P. Ariste. Isuri keelest // Emakeele seltsi aastaraamat. II. Tallinn, 1956.
- Ariste 1968 – P. Ariste. A grammar of the Votic language. Bloomington; The Hague, 1968.
- Ernits 2004 – E. Ernits. Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast hääbumisest // Piirikultuuri ja -keeleq. Toim. Karl Pajusalu ja Jan Rahman. Konvõrents Kurgjärvel, 21.–23. rehekuu 2004. Võro, 2005.
- Junus 1936 – V.I. Junus. Ižoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettaja vart. Moskova; Leningrad, 1936.
- Kokko 2000 – O. Kokko. The variation of local cases of present-day Ingrian Finnish // Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum. 7.–13.8.2000 Tartu. Pars II. Tartu, 2000.
- Laanest 1986 – A. Laanest. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.
- Leppik 1975 – M. Leppik. Ingerisooma Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine. Tallinn, 1975.
- Porkka 1885 – V. Porkka. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.

- Savijärvi, Savijärvi 1999 – *I. Savijärvi, M. Savijärvi. Language contacts in Ingrian-Finnish // M. Teinonen, T.J. Virtanen (eds.). Ingrians and neighbours. Focus on the eastern Baltic Sea region. Helsinki, 1999.*
- Suhonen 1985 – *S. Suhonen. Wotisch oder Ingrisch? // Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.–7. September 1984 in Hamburg. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 20) Wiesbaden, 1985.*
- Tsvetkov 1925 – *D. Tsvetkov. Vadjalased // Eesti Keel 4, 1–2. 1925.*
- Tsvetkov 2008 – *D. Tsvetkov. Vадja keele grammatika (Эсимейн' ваддя чээле грамаатикк. Первая грамматика водьского языка, 1922). Koostanud ja toimetanud Jüri Viikberg. Tallinn, 2008.*

СПИСОК ОБОЗНАЧЕНИЙ

Идиомы

- FIN – нижнелужский финский
 ING – ижорский (в целом, т.е. нижнелужский и сойкинский)
 ING-L – нижнелужский ижорский
 ING-S – сойкинский ижорский
 VOD – нижнелужский водский

Соотношение идиомов (с точки зрения заданного параметра)

- = – идиомы совпадают
 ≈ – идиомы частично совпадают
 ≈/≠ – идиомы совпадают лишь в некоторых говорах, в других же различаются
 ≠ – идиомы не совпадают

Глоссы

COND	кондиционалис
ELAT	элатив
GEN	генитив
IMP	императив
IMPF	имперфект
INF	инфинитив
NOM	номинатив
PART	партитив
PL	множественное число
PRS	презенс
PRTACT	активное причастие прошедшего времени
PRTPASS	пассивное причастие настоящего времени
SG	единственное число
SUP	супин
TRANS	транслатив